

Шопенгауэр Артур

Полное собрание сочинений

Том 3. Часть 1

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84
А86

А86 **Артур Ш.**
Полное собрание сочинений: Том 3. Часть 1 / Шопенгауэр Артур – М.: Книга по Требова-
нию, 2023. – 596 с.

ISBN 978-5-521-31489-8

ISBN 978-5-521-31489-8

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2023
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2023

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг — не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель — вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания — решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Предисловіе ко второму изданію.

Я дожидь до радостной возможности, по истеченіи 19 лѣтъ, приложить исправляющую руку и къ этому небольшому произведенію; и радость моя была тѣмъ болѣе велика, что послѣднее особенно важно для моей философіи, ибо, отправляясь отъ чисто-эмпирическихъ данныхъ, именно отъ замѣчаній безпристрастныхъ естествоиспытателей, руководящихся нитью своихъ спеціальныхъ наукъ, я непосредственно дохожу въ немъ до самаго ядра моей метафизики, указываю точки соприкосновенія ея съ естественными науками и предлагаю, такимъ образомъ, какъ бы арифметическую повѣрку моего основнаго положенія, которое черезъ это, во-первыхъ, получаетъ болѣе точное и спеціальное обоснованіе, а во-вторыхъ, становится въ высшей степени доступно, понятно и отчетливо.

Поправки, введенныя мною въ это новое изданіе, состоятъ почти исключительно изъ добавленій: изъ перваго изданія я не только не выпустилъ чего-либо достойнаго вниманія, но еще и сдѣлалъ въ немъ многочисленныя и, отчасти, важныя вставки.

Да и вообще, это—хорошій признакъ, что книжный рынокъ потребовалъ новаго изданія настоящей книги; вѣдь это доказываетъ существованіе интереса къ серьезной философіи вообще и свидѣтельствуетъ о томъ, что потребность въ дѣйствительномъ прогрессѣ ея становится въ настоящее время болѣе настоятельною, чѣмъ когда бы то ни было. Обусловливается же указанная потребность двумя обстоятельствами. Это, во-первыхъ, безпримѣрно ретивое занятіе всѣми отраслями естественныхъ наукъ, которое, будучи руководимо почти исключительно людьми, ничему, кромѣ своего дѣла, не учившимися, угрожаетъ привести къ грубому и плоскому материализму, гдѣ *прежде всего* возмутительно не нравственное скотство конечныхъ выводовъ, а невѣроятная бессмыслица основныхъ принциповъ, такъ какъ эти господа руководители отрицаютъ даже са-

мую жизненную силу и принижают органическую природу на степень случайной игры химических сил¹⁾. Подобнымъ рыцарямъ тигеля и реторты не мѣшало бы внушить, что одна голая химія даетъ право на званіе развѣ только аптекаря, а никакъ не философа; равнымъ образомъ, слѣдовало бы внушить и другимъ, среднимъ съ ними по духу, естествоиспытателямъ, что можно быть совершеннѣйшимъ зоологомъ и умѣть нацѣпить на одну бечевку всѣ шестьдесятъ видовъ обезьянъ, и все-таки, если ты не свѣдуешь во всемъ остальномъ, кромѣ развѣ одного катехизиса, оставаться въ обществѣ невѣждою и человѣкомъ толпы. Въ наше время это и встрѣчается сплошь да рядомъ. Въ просвѣтители міра навязываются люди, которые изучали свою химію, или физику, или минералогію, или зоологію, или физиологію, и больше ничего на свѣтѣ; къ наукѣ прилагаютъ они свое единственное знаніе изъ другой области, — именно то, что еще отъ школьныхъ лѣтъ удержалось у нихъ въ памяти изъ катехизиса; и вотъ когда оба эти обрывка у нихъ не совсѣмъ сходятся, тогда они начинаютъ глумиться надъ религіей и становятся пошлыми и плоскими матеріалистами²⁾. О существованіи какого-то Платона и Аристотеля, какого-то Локка и особенно Канта, они, пожалуй, и слышали нѣкогда въ школѣ, но не сочли этихъ людей достойными болѣе близкаго съ ними знакомства, такъ какъ послѣдніе не возились ни съ тигелемъ, ни съ ретортою и не набивали обезьяньихъ чучелъ; и преспокойно вышвырнувъ за окно умственную работу двухъ тысячелѣтій, эти господа отъ собственныхъ духовныхъ щедротъ горе-философствуютъ передъ публикою, — на основѣ катехизиса, съ одной стороны, и тигеля и реторты или таблицы обезьяньихъ видовъ, съ другой. Имъ слѣдуетъ безо всякихъ обиняковъ дать понять, что они — невѣжды, которымъ еще многому не мѣшаетъ поучиться, покуда они приобретутъ себѣ право голоса. Вообще, всякій, кто съ дѣтски-наивнымъ реализмомъ зря догматизируетъ о душѣ, о Богѣ, о началѣ вселенной, объ атомахъ и т. п., словно «Критика чистаго разума» написана на дунѣ и ни одинъ экземпляръ ея не попалъ на землю, — всякій такой чело-

¹⁾ И ослабленіе могло дойти до такой степени, что люди совершенно серьезно воображаютъ, будто ключъ къ таинственной сущности и бытію изумительнаго и глубоководнаго міра найденъ въ какихъ-то жалкихъ химическихъ средствахъ! Таинственнѣе, безуміе алхимиковъ, отыскивавшихъ философскій камень и только обдѣлавшихся дѣлать золото, было сущимъ пустякомъ въ сравненіи съ сумасбродствомъ нашихъ физиологовъ-химиковъ.

Прибавленіе къ 3-му изданію.

²⁾ „Aut catechismus, aut materialismus“, — вотъ ихъ догматы.

Прибавленіе къ 3-му изданію.

вѣкъ принадлежитъ къ толпѣ, и мѣсто ему въ лакейской,—пусть же въ этой аудиторіи онъ и выкладываетъ свою мудрость ¹⁾).

Другимъ обстоятельствомъ, обуславливающимъ дѣйствительный прогрессъ философій, является негѣріе. Вопреки лицемѣрному замалчиванію истины и искусственнымъ мѣрамъ для оживленія западной церкви, оно все возрастаетъ, потому что необходимо и неизмѣнно идетъ рука объ руку съ неуклоннымъ распространеніемъ опытныхъ и историческихъ знаній всякаго рода. Оно угрожаетъ вмѣстѣ съ формою разрушить и духъ и смыслъ христіанства (гораздо болѣе глубокій, нежели оно само) и предоставить человѣчеству *моральному* материализму, который еще опаснѣе вышеупомянутаго материализма химическаго. И ничто въ такой степени не играетъ на руку этому невѣрію, какъ обязательное тартюфство, которое въ наши дни повсюду выступаетъ съ такой безсмысленной наглостью; его грубые апостолы, еще съ подачкою на чай въ рукахъ, проповѣдуютъ столь елейно и въ то же время столь назойливо, что ихъ голоса проникаютъ даже въ ученые, издаваемые академіями и университетами, критическіе журналы и въ фیزیологическія и философскія книги, гдѣ своей полной неумѣстностью они вредятъ дѣлу самихъ проповѣдниковъ, возбуждая у читателей одно только негодование ²⁾). Вотъ при такихъ обстоятельствахъ и отрадно видѣть, что публика выказываетъ участіе къ философій.

Тѣмъ не менѣе я долженъ сообщить префессорамъ философій печальную вѣсть. Ихъ Каспаръ Гаузеръ (по Доргуту), котораго они въ теченіе почти сорока лѣтъ такъ тщательнo загораживали отъ свѣта и воздуха и такъ крѣпко замуровывали, что ни одинъ звукъ не могъ выдать міру его существованія,—ихъ Каспаръ Гаузеръ убѣжалъ. Убѣжалъ и бѣгаетъ по свѣту; нѣкоторые подумываютъ даже, не принцъ ли онъ. Или, говоря прозою: то, чего они боялись больше всего на свѣтѣ и что поэтому на протяжении цѣлаго вѣка челоуѣческой жизни умѣли соединенными силами и рѣдкой настойчивостью счастливо предотвращать, прибѣгая къ такому глубокому замалчиванію, къ такой стачкѣ пренебреженія и

¹⁾ Онъ и тамъ не перестанетъ вѣсти людей, которые любятъ перебрасываться схваченными на лету иностранными словами, не понимая ихъ смысла. Точно такъ же поступаетъ и онъ самъ, когда охотно разсуждаетъ, наприимѣръ, объ „идеализмѣ“, не вѣдая, что это значитъ; оттого онъ по большей части и употребляетъ это слово вмѣсто спиритуализма (который, какъ реализмъ, совершенно противоположенъ идеализму). Вы можете это разъ встрѣтить это въ книгахъ и критическихъ ученыхъ журналахъ, на ряду съ подобными же *quid pro quo*.

Прибавленіе къ 3-му изданію.

²⁾ Надо бы всюду показывать имъ, что изъ нихъ вѣру не вѣрять никто.

Прибавленіе къ 3-му изданію.

утаиванія, какихъ еще никогда и не было,—это несчастіе все-таки произошло: меня начали читать,—и теперь уже читать не перестанутъ. Legor et legar: ничего не подѣлаешь. Да, скверно и въ высшей степени непріятно; въ этомъ есть что-то роковое,—прямо бѣда. Это ли награда за столь вѣрный союзъ излюбленнаго молчанія? За столь прочное единомысліе и дружное поведеніе? Бѣдные на-
дворные совѣтники! Гдѣ же обѣщаніе Горация:

Est et fidei tuta silentio
Merces?

Въ «fidele silentium», вѣрномъ молчаніи, у нихъ, по истинѣ, недостатка не было; напротивъ, въ немъ-то и заключается ихъ сила, и какъ только почувтъ они чьи-либо заслуги, они тотчасъ же хватаются за этотъ, дѣйствительно, тонкій пріемъ: вѣдь о чемъ никто не знаетъ, того все равно, что и не существуетъ. Что же касается «merces» (награды), то будетъ ли она для нихъ совершенно «tuta» (обезпечена), это теперь какъ будто бы сомнительно,—развѣ если толковать слово «merces» въ *дурномъ* смыслѣ, въ смыслѣ *кары*,—что, конечно, находить себѣ оправданіе и со стороны хорошихъ классическихъ авторитетовъ. Господа профессора совершенно правильно усмотрѣли, что единственное средство для борьбы съ моими сочиненіями, это—сдѣлать ихъ тайной для публики, путемъ глубокаго замалчиванія и подъ громкій пріветственный шумъ въ честь рожденія каждаго изъ уродливыхъ чадъ профессорской философіи: такъ нѣкогда корибанты громкимъ шумомъ и кликомъ заглушили голосъ новорожденнаго Зевса. Но средство это исчерпано, и тайна разглашена: публика открыла меня. Злоба профессоровъ философіи по этому поводу велика, но безсильна: послѣ того какъ единственно-цѣлесообразное и такъ долго съ успѣхомъ примѣнявшееся средство они исчерпали, никакое тѣвканіе не въ силахъ уже остановить моего вліянія, и напрасно теперь они бросаются на меня то съ одной, то съ другой стороны. Правда, они добились того, что собственно-современное моей философіи поколѣніе сошло въ могилу, ничего о ней не вѣдая. Но это было только отсрочкою: время, какъ и всегда, сдержало слово.

Основаній же, почему господамъ представителямъ «философскаго ремесла» (они сами въ своей невѣроятной наивности такъ называютъ его ¹⁾), почему имъ столь ненавистна моя философія, такихъ основаній—два. Первое—то, что мои произведенія портятъ вкусъ у публики, вкусъ къ пустому сплетенію фразъ, къ нагроможденію ничего не говорящихъ словъ, къ пустой, плоской и медли-

¹⁾ См. „Götting. gelehrte Anzeig.“ годъ 1853, стр. 1.

тельно терзающей болтовнѣ, къ церковной догматикѣ, замаскированно одѣтой въ покровы скучнѣйшей метафизики, къ систематизированному, площадно-плоскому филистерству, которое должно изображать собою этику и въ видѣ приложений даетъ даже руководства къ карточной игрѣ и танцамъ,—словомъ, вкусъ ко всей этой методѣ бабьей философіи, которая уже многихъ навсегда отпугнула отъ всякой философіи вообще.

Второе основаніе—то, что представители «философскаго ремесла» безусловно не смѣютъ дать дорогу моей философіи, а потому не могутъ и обратить ее на пользу «цеха», о чемъ они даже душевно сожалеютъ, такъ какъ мое богатство при ихъ горькой нищетѣ пришлось бы имъ какъ разъ ко двору. Но моя философія во вѣки вѣковъ не заслужитъ милости въ ихъ глазахъ, хотя бы она и заключала въ себѣ величайшія изъ когда-либо открытыхъ сокровищъ человѣческой мудрости. Ибо въ ней нѣтъ никакой спекулятивной теологіи, ниже рациональной психологіи, — а какъ разъ онѣ-то и составляютъ для этихъ господъ воздухъ, которымъ они дышатъ, *conditio sine qua non* ихъ существованія. Пуще всего на свѣтѣ любить они свои казенные оклады; а казенные оклады въ Германіи пуще всего на свѣтѣ требуютъ спекулятивной теологіи и рациональной психологіи: *extra haec non datur salus*. Теологія поэтому должна быть и обязана быть; откуда хочешь, а вынь да положи ее; Моисей и пророки должны оказаться правыми: таковъ основной принципъ философіи; а при ней, по штату, должна состоять и рациональная психологія. Между тѣмъ, ничего подобнаго ни у *Канта*, ни у меня не найдешь. Объ его критику всякой спекулятивной теологіи, какъ извѣстно, самые убѣдительные теологическіе аргументы разбиваются вдребезги, какъ стекло о стѣну, и подъ его руками не остается ни одного цѣльнаго лоскута отъ всей рациональной психологіи! У меня же, какъ у смѣлаго продолжателя его философіи, ни теологія, ни психологія ужъ и совсѣмъ не является больше, чѣмъ и послѣдовательно, и честно ¹⁾. Наоборотъ, задача профессорской философіи въ сущности въ томъ и заключается, чтобы, подъ оболочкой весьма отвлеченныхъ, запутанныхъ, трудныхъ и оттого мучительно-скучныхъ формулъ и фразъ, изложить основныя истины протестантскаго катехизиса; поэтому, въ концѣ концовъ, именно онѣ и оказываются ядромъ всякой профессорской философіи, какъ бы вычурна, запутана, страшна и причудлива ни казалась она на

¹⁾ Ибо протестантскія откровенія въ философіи ничего не стоятъ; поэтому философія прежде всего должна быть истинною.

первый взглядъ. Такой пріемъ, быть можетъ, и приноситъ свою пользу; но я не знаю ея. Я знаю только, что въ философіи, т. е. въ исканіи истины, я хочу сказать—истины *αληθείαν*, подъ которою разумѣются отвѣты на высшіе, самые важные, самые дорогие и завѣтные для человѣческаго рода запросы,—въ исканіи этой истины, съ помощью описанныхъ пріемовъ, нельзя подвинуться ни на шагъ впередъ: напротивъ, истинѣ тогда преграждается дорога, и вотъ почему я давно уже призналъ въ университетской философіи антагониста философіи настоящей. И вотъ, если при такомъ положеніи вещей появится вдругъ, съ честными намѣреніями и вполне серьезная, только истины и ничего кромѣ истины не ищущая философія,—не должны ли господа представители «философскаго ремесла» почувствовать то же, что почувствовали бы одѣтые въ картонный панцырь театральные рыцари, если бы среди нихъ вдругъ оказался рыцарь, закованный въ настоящія латы, подъ тяжелой поступью котораго затрепетали бы тонкіе подмостки сцены? Такая, честная философія, слѣдовательно, *должна* быть дурной и ложной и въ силу этого возлагаетъ на представителей «ремесла» трудную роль человѣка, который, чтобы слыть за то, чѣмъ онъ не есть, не можетъ допустить другого слыть за то, что онъ есть. А изъ этого и получилось то веселое зрѣлище, которое теперь забавляетъ насъ: эти господа, — въ виду того, что замалчиванію моей философіи, къ ихъ сожалѣнію, пришелъ конецъ, въ настоящее время, спустя 40 лѣтъ, начинаютъ измѣрять меня своей мѣрочкой и сверху внизъ, съ высоты своей мудрости, судятъ обо мнѣ, какъ люди, по должности своей вполне компетентные; во всего забавнѣе они становятся тогда, когда стараются по отношенію ко мнѣ разыграть изъ себя джентльменовъ.

Немногимъ менѣе меня, хотя и болѣе втихомолку, ненавистенъ имъ и *Кантъ*, собственно за то, что онъ подкопался подъ глубочайшія основы спекулятивной теологіи и рациональной психологіи, *gagnepain* этихъ господъ, и въ глазахъ всѣхъ, серьезно мыслящихъ людей, навѣки разрушилъ названные оплоты. Какъ же этимъ господамъ не ненавидѣть его? человѣка, который до того усложнилъ имъ ихъ «философское ремесло», что они едва могутъ по добру по здорову выбраться изъ затрудненія? Вотъ почему мы оба никуда не годимся, и эти господа обоимъ насъ не удостоиваютъ своимъ вниманіемъ. Меня они, въ теченіе почти сорока лѣтъ, не подарили даже взглядомъ, а на Канта взираютъ съ высоты своей мудрости, снисходительно улыбаясь надъ его заблужденіями. Политика мудрая и доходная. Ибо такимъ образомъ они могутъ безо всякихъ стѣсненій, какъ будто на свѣтѣ и не существуетъ «Критики чистаго

разума», разглагольствовать на протяжении цѣлыхъ томовъ о Богѣ и о душѣ, какъ объ извѣстныхъ, а имъ особенно близкихъ личностяхъ, обстоятельно и учено обсуждать отношеніе перваго къ міру и второй—къ тѣлу. Бросьте только «Критику чистаго разума» подъ лавку, а тамъ ужъ все пойдетъ какъ по маслу! Ради этого они въ теченіе многихъ лѣтъ стараются потихоньку и помаленьку отодвинуть Канта въ сторону, обратить его въ антикварную рѣдкость и даже задрать передъ нимъ носъ и, ободряемые другъ другомъ, становятся все болѣе и болѣе дерзки ¹⁾. Видъ изъ собственной среды имъ нечего бояться возраженій,—у нихъ у всѣхъ одинъ и тѣ же цѣли, одна и та же миссія, и они образуютъ многочисленное сообщничество, высокоодаренные члены котораго *сogam populo* направо и налѣво отивѣиваютъ другъ другу поклоны. И вотъ, самые жалкіе маратели компендіевъ такъ зарвались въ своей заносчивости, что трактуя великія и безсмертныя открытія Канта не болѣе, какъ устарѣвшія заблужденія, и съ прекомичной *suffisance* голословно, хотя и въ тонѣ аргументаціи, преепокойно устраняютъ ихъ съ дороги,—въ надеждѣ на то, что имѣютъ предъ собою довѣрчивую публику, которая въ этомъ дѣлѣ ничего не смыслитъ ²⁾. И такая участь постигла Канта отъ руки писакъ, полнѣйшая неспособность которыхъ бьетъ въ глаза на каждой страницѣ,—можно даже сказать, въ каждой строкѣ ихъ оглушительнаго и бессмысленнаго словозверженія. Если это такъ будетъ продолжаться, то Кантъ скоро доставитъ намъ зрѣлище мертваго льва, котораго лягаютъ ослы. Даже во Франціи наши профессора не имѣютъ недостатка въ соратникахъ, которые, будучи одушевлены одинаковой ортодоксіей, стремятся къ той же цѣли: вотъ, напримѣръ, г. Бартеlemi де-С. Илеръ въ рѣчи, произнесенной въ апрѣлѣ 1850 г. предъ «Académie des sciences morales», дерзнулъ судить о Кантѣ свысока и говорить о немъ самымъ непристойнымъ образомъ,—къ счастью, впрочемъ, такъ, что каждый сразу же могъ угадать его заднюю мысль ³⁾.

¹⁾ Одинъ постоянно оправдываетъ другого, и простопалат публики въ концѣ концовъ думаетъ, что они, дѣйствительно, правы.

²⁾ Въ данномъ случаѣ я имѣлъ, главнымъ образомъ, въ виду „Систему метафизики“ Эриста Рейнгольда, 3-ье изд., 1854 г. Какимъ образомъ возможно, чтобы умнопочитательныя книги, въ родѣ этой, выдерживали нѣсколько изданій, это я объяснилъ въ своихъ Парергахъ, т. I, стр. 171.

Прибавленіе къ 3-му изданію.

³⁾ А, ей-богу, слѣдовало бы внушить всѣмъ подобнымъ господамъ какъ во Франціи, такъ и въ Германіи, что философія—нѣчто совсемъ иное, чѣмъ умѣнье играть въ руку французскимъ и нѣмецкимъ попомъ. И прежде всего мы должны дать имъ

Другіе же представители нѣмецкаго «философскаго ремесла», въ своемъ стремленіи сбыть съ плечъ столь мѣшающаго имъ Канта, идутъ такой дорогой, что, не полемизируя непосредственно съ его философіей, стараются подкопать основы, на которыхъ она зиждется; но при этомъ они до того покинуты всѣми богами и всякимъ разсудкомъ, что посягаютъ на истины a priori, т. е. на истины, которыя столь же стары, какъ и человѣчскій разумъ, даже составляютъ его, и которымъ, слѣдовательно, нельзя противорѣчить, не объявивъ войны самому разуму. Но такова ужъ храбрость этихъ господъ. Къ сожалѣнію, трое ¹⁾ изъ нихъ мнѣ знакомы, и я боюсь, что найдется еще нѣсколько господъ, которые заняты такими подкопами и имѣютъ невѣроятную дерзость допускать возникновеніе *пространства* a posteriori, какъ слѣдствіе, какъ простое отношеніе вещей *въ немъ*, утверждая, что пространство и время—происхожденія эмпирическаго и принадлежатъ тѣламъ, такъ что лишь наше воспріятіе сосуществованія тѣлъ создаетъ пространство, точно также какъ наше воспріятіе послѣдовательности измѣненій создаетъ время (*Sancta simplicitas!* какъ будто слова: «подлѣ» и «послѣ другъ друга» могутъ имѣть для насъ какой-либо смыслъ безъ предварительныхъ, дающихъ имъ значеніе, интуицій пространства и времени!), и что, слѣдовательно, если бы не было тѣлъ, то не было бы и пространства, которое, такимъ образомъ, уничтожилось бы вмѣстѣ съ ихъ исчезновеніемъ, точно также, какъ при уничтоженіи всѣхъ измѣненій остановилось бы и время ²⁾.

И такой вздоръ серьезно преподносится 50 лѣтъ спустя послѣ смерти Канта. Но именно подкопъ подъ кантовскую философію и

лено понять, что мы не смиримъ съ нихъ *виру*,—откуда уже явствуется, во что мы ихъ ставимъ.

Прибавленіе къ 3-му изданію.

¹⁾ *Розенкранцъ*: „Моя реформа Гегелевской философіи“, 1852, въ особенности стр. 41; тамъ въ вѣскомъ и авторитетномъ томиѣ говорится: „Я положительно искался за то, что пространствѣ и время не существовали бы вовсе, если бы не существовала матерія. Лишь сосредоточенный въ самомъ себѣ зоркъ являетъ дѣйствительное пространство; лишь движеніе его и, какъ результатъ движенія, реальное становленіе всего отдѣльнаго и единичнаго являетъ дѣйствительное время“.

Л. Ноакъ: „Теологія, какъ философія религіи“, 1853, стр. 8, 9.

Фонъ Рейхлинъ-Мендегъ, 2 рецензіи „Духъ въ природѣ“ Эрштеда въ „Heidell. Jahrb.“ за ноябрь—декабрь 1850 и за май—июнь 1854 г.

²⁾ Время, это—условіе *возможности* крѣпостнаго бытія, которое безъ него не могло бы ни существовать, ни быть доступнымъ нашему пониманію и словесному выраженію. Точно также условіе *возможности* сосуществованія, это—пространство, и доказательствомъ того, что эти условія коренятся въ естественномъ строѣ нашего ума, служатъ трансцендентальная эстетика.

Прибавленіе къ 3-му изданію.

служить здѣсь цѣлью, и эта философія, если бы тезисы этихъ господъ были вѣрны, конечно, сразу рухнула бы. Но, къ счастью, это — утвержденія такого рода, которыя вызываютъ не споръ, а только презрительный смѣхъ: дѣло въ томъ, что они представляютъ собою ересь не противъ кантовской философіи, а прежде всего противъ здраваго человѣческаго смысла, и нападеніе въ данномъ случаѣ дѣлается не столько на извѣстный философскій догматъ, сколько на истину а priori, которая, какъ такая, составляетъ самый разумъ человѣка и потому для всякаго, кто находится въ здоровомъ умѣ, мгновенно выступаетъ во всей своей очевидности какъ $2 \times 2 = 4$. Приведите ко мнѣ мужика отъ сохи, растолкуйте ему, въ чемъ дѣло, и онъ скажетъ вамъ, что исчезнѣи всѣ предметы на небѣ и на землѣ, пространство все-таки останется, и прекратись всѣ измѣненія на небѣ и на землѣ, время не перестанетъ идти. Какъ достоинъ уваженія въ сравненіи съ этими нѣмецкими горе-философами французскій физикъ Пуилле, который, не печалась о метафизикѣ, не забываетъ однако включить въ первую же главу своего общезвѣстнаго, положеннаго во Франціи въ основу officialнаго преподаванія, учебника физики два обстоятельныхъ параграфа, — одинъ о пространствѣ (de l'espace) и другой о времени (du temps), гдѣ онъ объясняетъ, что если бы вся матерія исчезла, пространство все-таки осталось бы и что оно безконечно, и что если бы всякія измѣненія прекратились, время продолжало бы идти своимъ чередомъ безъ конца. При этомъ онъ не ссылается, какъ во всѣхъ другихъ мѣстахъ своей книги, на опытъ, потому что въ данномъ случаѣ послѣдній не возможенъ, — и тѣмъ не менѣе Пуилле говоритъ съ аподиктической увѣренностью. Ему, какъ физики, наука котораго безусловно-имманентна, т. е. ограничена эмпирически данною реальностью, — ему и въ голову не приходитъ спросить, откуда онъ все это знаетъ. Канту это пришло въ голову, и какъ разъ эта проблема, которую онъ облекъ въ строгую форму вопроса о возможности синтетическихъ сужденій а priori, стала исходной точкой и краеугольнымъ камнемъ его безсмертныхъ открытій, т. е. трансцендентальной философіи, которая, отвѣчая на данный вопросъ и сродные ему, тѣмъ самымъ показываетъ, какъ обстоитъ дѣло съ упомянутой эмпирической реальностью ¹⁾.

¹⁾ Уже Ньютонъ, въ сходѣ къ восьмому изъ опредѣленій, находящихся во главѣ его „Principia“, совершенно правильно отличаетъ абсолютное, т. е. пустое время отъ наполненнаго, или относительнаго, равно какъ и абсолютное пространство отъ относительнаго. Онъ говоритъ (стр. 11): „Я не даю опредѣленій времени, пространства, мѣста, движенія, потому что все это очень извѣстно каждому. Слѣдуетъ замѣтить,

И семьдесят лѣтъ спустя послѣ того, какъ появилась «Критика чистаго разума», и послѣ того, какъ слава ея наполнила собою міръ, эти господа имѣють дерзость предлагать такіа давно устарѣлыя и грубыя нелѣпости и возвращаться къ прежнему невѣжеству. Если бы Кантъ снова пришелъ и увидѣлъ такое безчинство, то онъ, во истину, почувствовалъ бы то же, что Моисей, когда сойдя съ горы Синая, онъ узрѣлъ свой народъ пляшущимъ вокругъ золотого тельца и во гнѣвъ разбилъ свои скрижали. Но если бы и Кантъ отнесся къ этому такъ же трагично, я утѣшилъ бы его словами Іисуса Сираха: «Говорящій съ глупымъ говорить со спящимъ; когда ты кончишь говорить, онъ спрашиваетъ: «что ты сказалъ?» Ибо для этихъ господъ трансцендентальная эстетика, этотъ алмазъ въ коронѣ Канта, совсѣмъ не существуетъ: они молчкомъ отодвигаютъ ее, какъ поп авеню въ сторону. Но къ чему же, по ихъ мнѣнію природа создаетъ свое рѣдчайшее твореніе, великій духъ, единственный среди сотенъ милліоновъ, если отъ благовоззрѣнія Ихъ Заурядности зависитъ уничтожить важнѣйшія его ученія простымъ утвержденіемъ противнаго, или даже пустить ихъ

однако, что въ обществѣмъ (*vulgus*, т. е. именно среди тѣхъ профессоръ философіи, о которыхъ я говорю здѣсь. *А. III.*) понимаютъ эти количества не иначе, какъ въ ихъ отношеніи къ вещамъ чувственнаго міра. Отсюда происходятъ нѣкоторые предразсудки, въ видахъ уничтоженія коихъ слѣдовало бы раздѣлить упомянутыя количества на абсолютныя и относительныя, истинныя и мнимыя, математическія и принятыя въ обществѣмъ". Къ этому онъ добавляетъ (стр. 12):

I. „Абсолютное, истинное и математическое время, само въ собѣ и по природѣ своей, въ отношеніи къ чему-либо внѣшнему, протекаетъ равномерно, и иначе называется Продолжительностью; время относительное, мнимое и понятное въ обществѣмъ смыслѣ — чувственно и представляется, въ своемъ движеніи, нѣкоторую внѣшнюю мѣру Продолжительности (либо точную, либо неравномѣрную), которою пользуются въ обществѣмъ въѣсто истиннаго времени,—такими, напримѣръ, часъ, день, мѣсяцъ, годъ“.

II. „Абсолютное пространство, по природѣ своей, въ отношеніи къ чему-либо внѣшнему, всегда остается тождественнымъ и неподвижнымъ; относительное же пространство представляется собою мѣру или нѣкоторое подвижное измѣреніе пространства абсолютнаго; эта мѣра определяется нашими чувствами по своему положенію относительно тѣлъ и въ обществѣмъ употребляется въѣсто пространства неподвижнаго; таково, напримѣръ, измѣреніе пространства подземнаго, воздушнаго или небснаго, опредѣляемое по своему положенію относительно земли“.

Однако и Ньютону не пришло въ голову спросить, откуда намъ извѣстны эти двѣ безконечныя сущности, пространство и время, какъ скоро онъ — на чемъ онъ такъ настаиваетъ — не подлѣжитъ чувственному воспріятію, и притомъ извѣстны такъ основательно, что намъ до мельчайшихъ подробностей знакомы всѣ ихъ свойства и законы и мы въ состояніи изложить до мельчайшихъ подробностей всѣ ихъ свойства и законы.

Прибавленіе къ 3-му издашію.